



Александр Неклесса
ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ
КРИЗИС МИРОВИДЕНИЯ

ББК 87.68
УДК 008
Н 55

НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ» ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ РАН
КОМИССИЯ ПО СОЦИАЛЬНЫМ И КУЛЬТУРНЫМ ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

«СИНЛА/ИНТЕЛПРОС» (SYNLA/INTELROS), выпуск № 4 (17), октябрь-декабрь, IV кв. 2012
Авторская серия Александра Неклессы

Издается в рамках программы «ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия» на основе рабочих материалов Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации / Научный Совет РАН «История мировой культуры» (постановление Президиума РАН №285 от 8.10.2002)

Научное издание

А.И. Неклесса. Прыжок лягушки. Кризис мировидения // СИНЛА (ИНТЕЛПРОС), № 4 (17), октябрь-декабрь / Научный Совет РАН «История мировой культуры», Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2012. – 32 с.

Выпускающий редактор: Татьяна Рудакова
Компьютерная верстка: Александр Бакунин

© 2012, Александр Неклесса

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ КРИЗИС МИРОВИДЕНИЯ*

Прыжок лягушки
Разбил звездное небо
Брызги по коже

Уважаемый господин председатель, коллеги, дамы и господа,
маршрут доклада предполагает рассмотрение четырех узлов темы, асимметричное по уделяемому им времени и вниманию:

- во-первых, в качестве диспозиции – по возможности краткую констатацию положения дел в актуальном социополитическом тексте, подчеркнув его универсальную трансформацию;
- во-вторых, рассуждение об исторически сменявшихся формах сознания: координатах мировидения, являющихся в свою очередь естественной средой знания, различным образом определяемого, организуемого, транслируемого;
- в третьих, акцент на одной особой развилке, некогда пройденной цивилизацией, отметив нераскрытый, но, по-видимому, именно сегодня востребованный потенциал данной исторической альтернативы;
- в четвертых, некоторые соображения о трансформации методологии познания/действия и всей культуры управления объектами, субъектами, ситуациями за послевоенный период, в особенности на рубеже XX – XXI вв.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОРОТ

Долгое время мы не понимали революции, свидетелями которой являемся:
долгое время мы принимали ее за событие.
Мы заблуждались, это – эпоха.
Жозеф де Местр

Сегодня эпоха, предъявившая миру экспансию городской культуры и адекватные ей социальные форматы, близка к завершению.

* Доклад, представленный 05.12.2012 на заседании «Кризис мировидения» семинара «Кризис современного мира и новые формы социальности» Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН, Лаборатории «Север–Юг» и Центра цивилизационных и региональных исследований ИАФРАН.

Города – деятельные организмы, заселив планету, они продолжают умножаться в числе; но расплываясь мегаполисами, обрастая фавелами, претерпевают разнообразные мутации, превращаясь в хабы, терминалы, закоулки многолюдного подвижного метаполиса. Национальные государства утрачивают привычную актуальность, их суверенность изменяется под влиянием глокализации, субсидиарности, новых формул политического единения. Прагматичный же консенсус былого и будущего – региональные интегрии, по-своему перемалывают состояния и границы прежних обществ.

Страны – это люди. Количество жителей Земли прирастало за прошлый век миллиардами, эффективные коммуникации, транспорт, изоциренный технический инструментарий резко повысили интенсивность взаимодействия и результативность процедур. На трансграничной земле переселяются народы, творится смещение цивилизаций, ведется чреватый конфликтами диалог. Наряду с прежней политической феноменологией и поверх административной сетки возникает новый мир: трансграничный, комплексный, динамичный, многофакторный, энигматичный, многомерный, диверсифицированный космос сообществ, выстраиваемый по экзотичным лекалам, характерные черты которых: примат культурной гравитации, потоковая социальность, распределенная множественность...

Прежний мир развоплощается и диверсифицируется, субъекты теряют объектный характер, институты деформализуются, их функции пересекаются, подчас сливаются, но при этом конкретизируются/персонализируются, утрачивая прежний формат учреждений. Другими словами, социальные, политические, финансовые, знаниевые институты трансформируются в облачные/оболочные функциональные комплексы, *суммы взаимодействий*, причем все чаще реализуемых прямым, непосредственным образом.

Что ждет человека и покидающую лоно прежнего бытия цивилизацию, как мыслить настоящее настоящее? Рефлекторно реагировать на перемены? Воспринимать ли их как смертельную угрозу стабильности? Стремиться удержать прежний смысловой и социальный порядок, апеллируя к прошлому как идеалу? Активно представлять будущее как собственную версию иного?

Ориентация в нелинейных дефинициях энергийного социокосмоса предполагает опознание организующих начал, создание гибких прописей на языке актуальной реальности, включая готовность к радикальным переменам и неожиданным обретениям/потерям.

Мировоззренческие галактики предопределяют своеобразие координат практики, аранжируют лабиринты интеллектуальных пространств, диктуют права и правила – гармоник, в соответствие с которыми создаются политические и экономические оболочки. Социокультурная гравитация, притягивая либо отторгая народы, концентрирует миростроительными идеалами (своеобразными аттракторами) протееобразные туманности, элементы «телесности» которых сопредсуществует в схожих, но порой и в различных мирах.

Иначе говоря, культурная среда высокой организации, наличие оригинальной музыки сфер – императив осознанного и значимого присутствия в новой зоне, а проблема идентичности – одна из центральных в расширяющейся человеческой вселенной.

ЗНАНИЕ И СО-ЗНАНИЕ

Надо сделать так, чтобы максимум людей могли совершить резкий скачок в понимании действительности.

Аурелио Печчеи

Координаты коллективного понимания реальности – среда обитания знания, т.е. *со-знание*, его доминантная форма. В ней также обретается критический фермент: своего рода соглядатай, диверсант – тяга к обретению более полного или же иного бытия.

Трансформация – не только импульс движения к совершенству, скорее «крутой маршрут» экзистенции, на этапах которого возникают прогрессирующие и регрессирующие формы сознания: рефлекторное, синхронистичное (аналоговое), диахронное (линейное), синергичное, эклектичное, деструктивное (антургеничное).

Ментальные скрепы соединяют мировидение с формулами домостроительства, т.е. инициируют процесс, который называем историей. Сегодня, конвертируя современность в транзит, мы входим в виртуальный (*virtualis*), но именно поэтому – подлинный (*virtus*) мир, где *настоящее* сожительство с *представляемым*, сущее с должным и возможным, а траектории жизни в заметно большей степени зависят от усилий человека и выбранной позиции. Подобное бытие на разломе предполагает иную модель рефлексии, нежели прежде понимание ситуации и методов практики.

Кризис мировидения в конечном счете есть источник стремительно накапливающихся неурядиц. Недостатки избранной модели катафатического миропознания отчасти амортизируются усложнением методологического аппарата, переосмыслением контракта с экзистенцией; все это – в предродовом буйстве контртезисов негативной диалектики. Но шанс на исход из лабиринта сценарных тупиков принадлежит не сумме рефлексивных практик, верифицирующих неокогнитивный регламент критических регуляций сверхсложных и высокоадаптивных систем (рассчитывая на упорядочение «второго дыхания»). И не форсированию ступора парадоксов/апорий как средствам («ноозиакам»), пробуждающим ментальную витальность вплоть до семантической эйфории.

Радикальное переосмысление исторической и антропологической ситуации, ее перепрочтение и постижение финала возможны лишь при непосредственном вовлечении в процесс познания самого естества деятельного субъекта. Речь, таким образом, заходит о ревизии предельных оснований: переменных в *аксиоматике* знания и действия.

Иначе говоря, о радикальной коррекции кодов сознания и смене мироустроительных ориентиров, определявших движение цивилизации.

ДИСКРЕТНЫЙ МИР

Наиболее архаичная форма сознания, которую можем отчасти реконструировать, изучая под определенным углом археологический материал либо патологические/предельные состояния психики – это *рефлекторное* мышление.

Некоторое время назад в кинопрокате шел фильм «*Memento*». Популярным он не стал, в том числе, поскольку сложен для восприятия, ибо демонстрировал особую форму мышления: у героя серьезно повреждена память. Он владел общечеловеческими навыками, но текущие события помнил в течение короткого времени. Его существование было *дискретным*.

У архаичного человека был, по-видимому, сходный тип мышления. Будучи не в силах удерживать в мерцающем сознании пространственно-временную карту мира, он вынужденно прибегал к своеобразной автокоммуникации, пересылая себе же обретенные знания посредством знаков, зарубок, меток, оставляемых в окружающей среде и на собственном теле.

Подобный деятельный символизм, род усложненной и отчужденной от создателя коммуникации постепенно превращался в разветвленный, опрокинутый во внешнюю среду знаковый аппарат. Семиотика предшествовала семантике, предоставляя палитру «узелков на память» (ср. соответствующую систему письма), заполнявшую, переполнявшую мир. Вся же совокупность собственных и чужих знаков, аккумулирующих знание, перепосылаемое человеком самому себе, прочитывалась как обращение/сообщения иных сил.

Сумма автопосланий смешивались с различного рода прозрениями, обрывками сновидений, их нарастающей интенсивностью, формирующейся асимметричной интегральностью, сложным символизмом, иными формами психической активности. Рефлекторное сознание отражало/выражало экзистенциальное восприятие реальности, сопровождаясь периодическими провалами памяти, дефицитом больших смыслов, т.е. рефлексивным вакуумом, заполняемым фантазмами и характерной для подобного состояния ума загроможденной бессвязностью бытия.

Иначе говоря, свидетельствовало о полуживотном статусе человека, – мы, наверное, расценили бы сейчас такое состояние как особый вид психической патологии.

На древнейших, хтонических божествах видна роковая тень этого алогизма, хаоса, безумия; не творческая личность, но именно хаос прямо или косвенно признается создателями мифов изначальной субстанцией, дном космогонии, первичным бульоном жизни.

Древнейшая память скорее осязательна, нежели зряча, проявляется в ощущении либо озарении, но не в рефлексии. Она скорее ритуальна, чем мифологична. Здесь источник многообразия знаков, примет, признаков и специфичной рациональности – подсознательно накапливаемой суммы однотипных столкновений с миром.

По мере удержания, увязывания обрывков ритуальных побуждений и деятельной рефлексии их дискретный символизм слипается, сплетается в многоцветный венок сведенной воедино карты бытия.

САКРАЛЬНАЯ ГЕОМЕТРИЯ ЖИЗНИ

Следующая генерация мышления и «упаковка» со-знания заметно устойчивей предыдущей. Она широко представлена в истории, проникает и в современность, но, кажется, недооценена в своем многообразии, оригинальности.

Особенно как специфическая рациональность: средство опознания и удержания целостной картины мира, своеобразная форма фиксации причинно-следственных связей: язык интенсивной повседневной коммуникации, усеченно прочитываемый и в наши дни, получив внутри системы статус «художественного мышления», вовне – сознания «мифологического». Этот тип сознания определим как *синхронное* или *аналоговое*, а чтобы избежать упрощения и аббераций, назовем его **синхронистичным**.

Появление подобной формы рефлексии означало преодоление дискретной рефлекторности мыслительного аппарата, обретение устойчивых связей с окружающей средой, т.е. долгосрочное удержание целостной карты мира.

Возможно, организующую сознание роль в удержании той или иной композиции сыграли относительная неизменность звездного неба («зодиак»[†]), суточный и годичный круг («календарь»), а также определенные физиологические циклы. Кодификация карты проявляется в сложных артефактах, инвариантом, подтекстом которых является мандала, а также ее ипостаси: знак, символ, сема, ранголи, альпона, мудра, лабиринт. Связность фрагментов обозначила шаг от ритуала к мифологии, а затем возможность ее фиксации в различного рода архитектурных и символических комплексах, образных системах, сводах толкований забытого, отошедшего, но опознаваемого как значимые перекрестки и семафоры бытия.

Исцеление от рефлекторности, прерывистости рождало панический страх катастрофы: утраты обретенной целостности (исцеления) и возвращения хтонического кошмара. В этом паническом чувстве видится, в частности, исток избыточной ритуализации самых разных аспектов жизни, детальной регламентации функций, закрытости, запечатанности кастовых ковчегов. История культуры, археология сохранили манифестации данной формы мышления: топографии, выстроенной не на географической, а на метафизической платформе. Подобное сознание обладало собственной геометрией социальных ориентиров, заметно отличной от привычного хронотопа.

Становление замкнутого, циклического мировидения происходило особым образом: люди, дабы избежать беспамятства и безумия, избавится от призраков расколотого мира, стремились удержать связь времен, каталогизируя прошлое, ища скрепу бытия в некой изначальной точке. Человека той поры навязчиво интересовали центр мироздания, лоно происхождения – гора спасения. При этом он намеренно поворачивался спиной к будущему, чреватому разрушением обретенной устойчивости и воспринимаемому как опасное пограничье: кромешная окраина, зыбкая периферия, ужас затмения. К примеру, в аккадском языке категория «прошло» - *ut rani* дословно означает «дни лица/переда». Другими словами, для человека того времени прошлое – это генеральный маршрут мысли, основное

[†] В древнейшей, «вавилонской», системе счета структура числового ряда не абстрактно умозрительна, а непосредственно связана с круговращением небесной сферы (прецессией).

направление взора. А вот будущее: *ahcratu* – образовано от корня *hr* со значением «*быть позади*».[‡] Иначе говоря, будущее воспринималось как отвергаемая, маргинальная – *кромешная* территория, а основой бытия полагалось прошлое.

В ускользавшем, но удерживаемом прошлом виделось собственное, с усилием прозреваемое, по крупницам выстраиваемое псевдобудущее: мифологический, эскапистский горизонт событий. И населяли это «рукотворное» пространство сверхлюди: хранители прошлого – могучие прародители. В «дневном» же мире будущее не имело образа, ведь облик (имя) давали события. Будущее же воспринималось как несовершенная субстанция, незавершенное бытие, необработанный камень, т.е. нечто дикое, пугающее, варварское. Его заклинали и огораживали. Человек не стремился в призрачные земли и несуществующие времена: его там ждали потери, увечье, смерть... Одно из характерных обозначений будущего на аккадском языке – «*дни, что опаздывают*».

Будущее мыслилось как пространство, неподконтрольное людям, полностью находившееся во власти иных, значительных сил. Оно представлялось «далеким Западом», страной захода и угасания светил, являло отнюдь не простор для действия, но сумерки бытия, его предел, последнюю границу, непересекаемый рубеж – бескрайний, поглощавший дерзких безумцев океан.

Быть может, здесь истоки странного безволия в критических обстоятельствах, порой охватывающего тех, кому приоткрылись гипотетические обстоятельства смертного часа («*чему быть, того не миновать*»).

При этом карта времени была так же, как и картография пространства подробно расписана. И приписана к поименным хранителям: не только каждый сезон или день, но даже часы имели облик и «стражей». Вне русла больших смыслов подобное хозяйство загромождало пространство бытия, оставаясь в значительной мере бессодержательным и механистичным: неспешно перемалывая зерна жизни, исчисляя, регистрируя события, оно, в сущности, не вело никуда.[§]

В рассеянной пассивности время определялось не новизной, не созидалось предприятиями («проектами»), а профанировалось вновь и вновь реплицирующимся «днем сурка», бесконечностью пролонгируемой повседневности. Время обременяло. Каталог был

[‡] Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. Очерки. – М., 1983. – С.29. Удивительным образом этот обращенный в прошлое хронологический вектор по-своему присутствует и в современной системе летосчисления для древних (до Рождества Христова) времен.

[§] Один из возможных источников ретроспективной психологической/культурной аберрации — наш пристальный интерес именно к религиозным и нарративным текстам «седой» древности. Сталкиваясь по преимуществу с переводами и публикациями данного типа произведений, мы не отдаем отчета в их «эксклюзивности» в общей массе письменных свидетельств той поры, в ничтожном процентном соотношении первой группы документов к основному корпусу находок – хозяйственных регистраций, разнообразных регламентов, калькуляций дел и событий, включая метафизические реестры (впечатляет соотношение соответствующих табличек на археологических площадках Месопотамии). Да и в самой «первой группе» первенствуют все же скорее «магические» рецептуры, а не «метафизические» творения.

преградой, стеной на пути проекта, каменным небом. Времени, в сущности, и не было, был срок.^{**}

Генетика древнего хронотопа, отчасти присутствующего в сознании и сегодня, в чем-то совпадает с архитектурой сновидений, плавно переходя из путаницы яркого и важного в композицию сложной (ложной) карты космоса как лабиринта. Но конструкция лабиринта содержит значимое отличие от замкнутого в тотальное безвременье пространства мандалы: намек на путеводный разрыв безысходности, возможность продвижения из дурного космоса-некрополя к граду единения подвижного в многообразии. И примыкавшего к нему разноязычного, прагматичного, деятельного *portus'a*.^{††}

Совмещение безвременья мандалы с подвижностью человеческого естества, чреватого кризисами, катастрофами, прорывами, проявлялось в символизме и архитектонике первогородов, их пространственной организации, символических и физических сложностях пересечения городской черты. Вспомним проблему, возникшую у ахеев с проникновением в лабиринтообразную Трою.^{‡‡}

Но главная особенность синхронистичного сознания – его причинно-следственная логика была аналоговой и синхронной («горизонтальной»). Очень разные и на первый взгляд не имеющие ничего общего со-бытия были так или иначе – сейчас сказали бы «голографически» – связаны. И связь эта подчас осознавалась как нечто более важное, нежели само событие, воспринимаемое отстраненно, как знак. Представлялось, что о переменах и грядущем надежнее судить по косвенным признакам: приметам либо аналогиям; нам знакомо это состояние ума, мы называем его суеверием.

Страх перед возвращением в «мир разрывов», предопределил практику жертвоприношений силам, удерживающим мир от распада (политика «малых бед»). Он же порождал специфичное отношение к инноватике, да и к любой версии «расширенного производства», т.е. к существенным изменениям наличных условий, проявлениям новизны, диссидентства, инакости, развитию, к чужим, т.е. «чуждым» системам ценностей. И соответственно – к новаторам, трикстерам, положение которых в обществе, фактически, было сродни статусу *пре-ступников*, т.е. людей, переступающих некую запретную черту. Основой же благоденствия полагались стабильность и равновесие.

Да и строительство ирригационных сооружений, водохранилищ, зернохранилищ, зиккуратов, пирамид было действием, служившим в том числе данной цели. В период «семи тучных коров» нужно было как-то аккумулировать избыточную энергию, чтобы ограничить потенциал демографического или социального взрыва. Наоборот, когда приходило время «семи тощих коров», в наличие были средства для поддержания баланса и одновременно – для купирования социальных турбулентностей.

^{**} «Слово *adannu*, которое иногда переводят как „время“, означает „срок“, и в смысле какого-то периода времени, и в смысле момента в конце определенного периода» (Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. Очерки. – М., 1983. – С.15).

^{††} Александр Неклесса. Глобальный Град: творение и разрушение // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира. – М.: Восточная литература, 2002. – С.227-256.

^{‡‡} Следы связи лабиринта с городом сохранились в европейской культуре: лабиринты здесь именовали «Троя» (Западная Европа), «Вавилон», «руины Иерусалима», «стены Иерихона» (Северная Европа) и т.п. (См.: Л.В. Стародубцева. Метафизика лабиринта // Альтернативные миры знания. СПб., 2000. – С. 256.)

В лоне истории соприсутствуют, состязаются два социальных ритма: синусоидальный – сопряженный с перманентным воспроизводством баланса, т.е. поддержанием неизменности традиций; и векторная динамика, усложненная нелинейностью, синкопами, фазовыми переходами – трансценденцией миропорядка, подчас радикальной трансформацией норм и регуляций, имеющей следствием рост населения, расширенное воспроизводство, разнообразные и далеко не однозначные воплощения творческой новизны...

СМУТНЫЙ ГОРИЗОНТ ИСТОРИИ

Следующая форма сознания – мышление *диахронное* или линейное, «векторное». Это распутываемая нить Ариадны, выводящая из сновидческих объятий мандалы сквозь аутопоэтические пространства лабиринта.

Данный вид сознания знаком и привычен, он одна из основ сложившейся цивилизации. С его генезисом и развитием связано также понятие «осевого времени». Начиная приблизительно с VIII века до н.э. в Средиземноморской ойкумене происходят серьезные изменения. Развивается иной взгляд на мир: экзотерический и категориальный, рождаются формы устойчивой рефлексии – философия и наука (натурфилософия). Прежде всего, речь идет о совершившей ментальный прорыв Древней Греции. Люди дерзновенно и критически взглянули на угнетавший фатум, противопоставив его неумолимости собственное промышление.

Продвижение от мифологического мышления к логическому, от целостного («драгоценной целостности») и нерасчлененного к категориальному, формализованному – рассеянному философским скальпелем, было реализовано в Элладе. От мифопоэтического восприятия и непосредственности рассуждения человек совершил транзит к опосредованному знанию и рациональности познания. Был преодолен критический перекресток: развилка дорог мировидения, сделан далеко идущий выбор. И предпочтен путь, отчуждавший человека – земной очаг прометеява огня – от апофатического осмысления мира и мистериального откровения как универсального и тотального источника закона. (Отринутый путь был пройден, однако, в другой части Средиземноморья, альтернативный историософский сдвиг и иной подвиг реализован другим народом – еврейским...)

Наряду с попыткой анатомии рока, эллинами, по сути, отчуждались, инкапсулировались архаичные и маргинальные форматы собеседования с промыслом. Арбитром же и мерой вещей утверждался человек. София обреталась мастерством (если не ремеслом) внутреннего либо коллективного диалога представителей особой породы, способной к необычному способу жизни: *bios theoretikos*, ставшему уделом дважды свободных людей. Философия обезличивала звездный атлас, а рациональная мистичность числовых экзерсисов устраняла магию календаря, растворяя ментальном лабиринте (скрипичном ключе) предписанный круговорот событий. Эпистемология становилась самостоятельной реальностью: топографией рассуждений, девальвирующей сакральность карты бытия.

Был создан когнитивный аппарат, обративший окружающий мир и его предметность в нечто иное: категории и понятия. Пространства ментальной рефлексии обрели картографию, которая в отличие от сакральной географии стала практической аппликацией,

инструментарием сборки ситуаций и замыслов (процесс сродни переходу от иероглифической формы письма к алфавитной). Осмысление мира все более отстранялось от сновидений разума, где смешивались боги и люди, равноучаствуя в событиях. Через индивидуацию Одиссея и мучительные эксцессы релятивизма переходило к формулированию законов – гармоник и октав взаимоотношений человека и рока (*Прометей, Сизиф, Тантал, Эдип*). А затем – космологическому деизму, рациональной онтологии, рождая «философию» как системную, диверсифицированную рефлексию о мире и населяющих его людях.

НЕВЫРАЗИМАЯ СЛОЖНОСТЬ БЫТИЯ

Следующая формула мышления оказалась весьма сложной для усвоения, освоения из-за антиномийной специфики. Это сознание *синергичное*.

Существует исторический порог, некогда преодоленный человечеством, он связан с началом христианской эры, радикальной новацией по отношению к миру прежнему, традиционному, *античному*. Люди новой эпохи вполне осознавали эту смену ситуаций, называя себя *moderni*, чтобы отличить от обитателей прошлого, ветхого мира – *antiqui*.^{§§} Позднее, правда, понятие Модерна приобрело иные акценты, фиксируя отличие Нового времени от Средневековья, а в истории культуры получило даже третий смысл.

Общество, возникшее на грандиозной миростроительной площадке, называлось по-разному: «наша эра» или христианская, европейская, современная цивилизация. Откуда же взялись поразительные творческие возможности, позволившие за недолгий исторический срок преодолеть скудные времена, ограниченность прежней ойкумены, радикально преобразовать стиль жизни и облик планеты? Разница в конечном счете заключалась в появлении личности, осознающей себя образом и подобием Творца, творящего из ничего нечто. Личности, освобожденной от ярма дурной бесконечности ранжированного и предопределенного бытия. Личности, претендующей в пределе дерзновенных устремлений «стать по энергиям тем, чем Творец является по существу».

Новое мышление, отточенное в ходе Вселенских соборов, проявляется, прежде всего, в *тринитарном богословии и христологии*, развивается катафатическим и апофатическим богопознанием, продуцирует множество школ и культурных течений от *leys d'amors* (миннэ) Прованса до византийского исихазма.

Специфика данного мышления – удержание в сознании антиномийной природы миропорядка и приложение обретенной комплексности к опознанию промысла в повседневном существовании.

^{§§} «Согласно Гарнаку, обобщившему верования этих ранних христиан, они были убеждены, что –“1) наш народ старше мира; 2) мир был сотворен ради нас; 3) жизнь мира была продолжена ради нас: мы отсрочили суд над миром; 4) все в мире подвластно и должно служить нам; 5) нам открыто все в мире: и начало, и течение, и конец всей истории, для наших глаз нет ничего сокрытого; 6) мы примем участие в суде над миром, а сами вкусим вечное блаженство.” Но главное убеждение ранних христиан состояло в том, что это новое общество, раса или народ были учреждены Иисусом Христом, который является его законодателем и Царем». (Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. – М.: Юрист, 1996. – С. 48-49.)

Новая рациональность основана уже не на логике Аристотеля, предполагая отличный от античного маршрут постижения истины. Прежние форматы, однако, продолжают существовать и после утверждения обновленной, но порой слишком сложной для усвоения структуры ментальности, житейски обременительной трансценденции бытия. Осваивая новый образ реальности, кодифицируя его в ходе вселенских соборов и городской революции, сознание трансмутирует, порождая ритмы современности...

К сожалению, за границами рассуждения осталась не только формула эклектичного сознания, но также сознание деструктивное, обладающее собственным историческим опытом^{***}, культурой потенцией, специфическим мировидением – образом антургении: «квазицивилизации смерти».^{†††} Данный тип сознания способен в минуту острой социальной растерянности произвести реконфигурацию человеческой вселенной, возрадив некогда посеянные в людском естестве зубы дракона в предвкушении апокалиптического урожая.

ЗНАТЬ – ЗНАЧИТ ПОНИМАТЬ

Не бывает потрясения в стилях музыки
без потрясения важнейших политических законов.
Платон

КОМПОЗИЦИЯ ЗНАНИЯ

Существуют различные способы организации знания.

Категориальный (философский) подход был реализован в Древней Греции, где было совершено *промышление знания*. Вещи и функции (роли) обрели статус понятий, категорий: «руль», «рулевой» превратились в искусство управления – *κ(γ)ιβερνῆ/κυβερνητική*, крепёжная скоба мачты – в *(γ)αρμονιῶν/ἁρμονία* как эстетическую категорию и т.п.

В Элладе фактически присутствовали два «облака» знания – старое/традиционное и новое/философское. Внутренняя же организация знания зависела от объекта исследования: *космос/состояние – человечество/изменение – изделия/опыт*.

В «старом» знании первым доменом был религиозно-ориентированной круг рефлексии, т.е. осмысление манифестаций божественной гармонии как сочетания беспредельности и предела: мифология (экспликация языка архетипов и вербализация ритуала), числовая мистика (универсальный порядок, разнообразие гармоник, музыка сфер), эстетика (пропорции, законы формы и красоты).

В «новой» системе знания это пространство теории (θεωρία) – исследование мира идей и принципов бытия, предметами же являлись: философия, математика, астрономия, физика.

^{***} Александр Неклесса. Трансмутация истории. Вступление в постсовременный мир // Цивилизация: восхождение и слом. Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. – М.: Наука, 2003. – С.53-97.

^{†††} Александр Неклесса. Цивилизация смерти // Эсхатологический сборник. – СПб: Алетейа, 2006. – С.531-549.

Второй регистр – размышления о природе перемен, о действиях и следствиях; о человеческих натуре, ее потенциале и ограничениях. В доклассической организации знания это отчасти сфера фюсиса (φύσις – развивающееся естество именно в аспекте его развития), этоса (ἦθος – регулятивные черты характера) и пайдеи (παιδεία – воспитание). Предметные же области: литургия (ритуал, т.е. невербальное знание и пути деятельной трансляции), драма (δρᾶμα – действие, исполнение), поэтика (ποίησις – творение) в ипостасях трагедии и комедии.

В новом знании это практика (πράξις) – исследование системы деятельностных взаимоотношений в человеческом общежитии. Предметы которой этика и политика, включавшая экономику и хрематистику.

Наконец третий ареал знания очерчивался фронесисом (φρόνησις): житейской мудростью, обретаемой с возрастом, охватывая при этом и наследуемые традиции. Иначе говоря, это пути, способы, ситуации достижения результата, культивации мира, т.е. все то, что представляет собой искусство преодоления природного хаоса и разрешения человеческих коллизий.

Данное «поле» умелого, опытного знания изначально сопрягалось с древнейшим своим изводом: чтимым земледелием, имевшим глубокие сакральные корни^{***}. По мере развития искусности деяний здесь также аранжируются обретенные от божественного огня умения свободных людей, творческие знания. А еще педагогика (παιδαγωγική) – искусство взращивания человека, т.е. образование как воплощение образа-идеала и обретение личности (достижение гармонии внешних и внутренних достоинств – калокагатия/καλοκαγαθία как средство обретения превосходных степеней – арете/ἀρετή или аристос/ἀριστεύς). Аккумулируются также практические навыки: обобщение опыта механических профессий, которыми могли заниматься и подневольные.

В новой структуре модификация данного ареала получила название технэ (τέχνη) или искусство как мастерство.

ИСКУШЕНИЕ ЗНАНИЕМ

Возможность размышлять о вещах безотносительно к их состоянию, когда доказательность имеет бо́льшее значение, нежели утверждение, произвела в умах революцию, навлекая на мыслящее сословие безумие тотального релятивизма, вызвав опьянение потенциями разума, оторванного от бытия и породив эвристическое бешенство софистики.

Это была иная дерзость, нежели «свойские» отношения между людьми и богами, характерные для персонажей *Гомера*. Антропологический субъективизм становился руслом и

^{***} Истоки земледелия как формы сакрального действия – литургии плодов и даров, творимой патриархом при коллективной тризне, но постепенно утрачивая образ жреца-посредника с миром предков, он обретает облик жреца-землепашца. Иначе говоря, эти истоки коренятся в погребальных обрядах-жертвоприношениях, совершаемых в форме приносимых чтимым покойникам лучших, отобранных (селективных) плодов. Обильно возвращаемых затем предками в виде богатого урожая, состоящего из элитных сортов (ср. «священная роща»). И более того: возможно здесь коренятся (по крайней мере, отчасти) истоки не только растениеводства, но и собираемого, обретаемого богатством урожая животноводства.

регламентом умственного действия. Его лозунг «влиять, а не определять» намекает на будущие горизонты идеологии и политехнологий. Выбор заключался в ответе на вопрос: «Что же важнее – понять или утвердить?».

Скепсис *Сократа* противопоставил смиренную созерцательность умозрительному дерзновению. Мысль о том, что рациональное знание и необходимо, и возможно именно потому, что *ум знает свою ограниченность*, имела далеко идущие следствия. По сути, Сократ обосновал разработку специфического инструментария познания (его протезов) и обустройство соответствующей интеллектуальной инфраструктуры.

Следствием круговорота амбиций софистов и разочарований стоиков была экзистенциальная растерянность киников, распятых меж миром века сего и миром горным (*Диоген*). Но произошло также обширное переосмысление непреодолимого разрыва между разумом и полнотой реальности, очерчивание постигаемой умом сферы как *контура* истинного положения вещей (*Платон*). Обретение же ментального инструментария вело к формализации мировоззренческой конструкции и как следствие – рационализации жизни в форме мироустроительного проекта. А обнаружение истины (знания) становилось действием, хотя и опосредованным (т.е. не непосредственным), суммарным в поступательной логике рассуждения, но целостным в своей внутренней структуре. Результатом подобной ментальной инженерии явилась детально аргументированная, прошедшая испытание дискуссией, признанная конклавом непротиворечивость суждения, принимаемого затем как истина (*Аристотель*).

Истина, таким образом, постигалась через полноту знания, понимаемую как синтез признанных авторитетным сообществом рассуждений и выводов, а сложность – как комплексность, проясняемая по мере прохождения сквозь фильтры аксиом, преодоления препятствий теорем и ограничений таких волнорезов, как категории, образуя оригинальную целостность: умозрительную, логичную, непротиворечивую эпистемологию («науку» зона как организованное логикой знание). В свою очередь, подразделяемую на теорию (размышления о принципах мироустройства), практику (объект рефлексии – социальные явления) и технологию (осмысление опыта умений, искусство).

Соприкасаясь с миром природы и человеческих потребностей мощь нового сознания рождала многочисленные производные от союза логики и эмпирики (в диапазоне между *Эвклидом, Эратосфеном, Архимедом*).^{§§§}

^{§§§} Утверждение мировоззрения, т.е. сопряжение ценностей с определенной формой мышления, происходит не в стерильной зоне одинокого существа, но в наполненном страстями пространстве практики. Взаимодействие этики и политики формирует консенсус, утверждаются нормы общежития. Мировоззренческая формула производит не только категориальный, но и правовой аппарат, который нормирует сумму взаимодействий, превращая в социальную организацию, что выражается, в частности, в центральном номоканоне: писанной или неписанной конституции. Отсюда проистекают политические, экономические следствия, в свою очередь реализуемые в доктринах, концепциях, стратегиях. Занимаясь проблемами практики, приходится сталкиваться с культурными версиями, затруднительными, а порой представляющихся внешнему наблюдателю прямо-таки алогичными, если не учитывать их мировоззренческую основу. Приведу пример: исламская банковская система, где «в золотом городе Принципе» вообще-то запрещено взимание процента (что само по себе ставит большой

РОЖДЕНИЕ НАУКИ ОТ СЕМЕНИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ДУХА НОВОГО ВРЕМЕНИ

В Европе второго тысячелетия возникает новая организация знания, которая с некоторыми модификациями сохранилась до нашего времени.

В ее основе заложен принципиально иной мировоззренческий подход: христианский взгляда на основы бытия – порядок вещей, как явления, выходящие за пределы возможностей человеческой логики. А потому не умопостигаемого, но требующего неординарных усилий для познания иной логики: замыслов Творца и закономерностей субстанции мира, через непредвзятое исследование творений.

Умственное производство, «свободные искусства» востребованы, теперь, однако, как ремесло. Университетская культура и последующие, все более индустриальные формы получения/трансляции знания, надеюсь, станут еще предметом подробного разговора на заседаниях семинара. Сейчас же отмечу следующее: на заре Нового времени в условиях проникновения в Европу аристотелизма (причем в аверроистской трактовке) проблема принципов организации знания, его признанной «упаковки» приобретает острый характер. В конце XIII века в Парижском университете проходят две масштабные дискуссии, имевших следствием, фактически, рождение науки в современном ее понимании.

Деистской логике Аристотеля о перводвигателе («движущей причине») и последующем нисхождении следствий в соответствии с законами логики – т.е. соблюдению принципа непротиворечивости как критерию истины – была противопоставлена иная позиция: испытание реальности в эксперименте. Ход рассуждения был следующий: логика всемогущего и свободного Творца превосходит логику человека, и не всегда ему доступна (Книга Иова). Поэтому познать истину посредством разума мы можем, прибегая (помимо Откровения) к испытанию творения, ибо созданное Творцом, оно приоткрывает Его мудрость и замыслы, приближая к истине и развивая разум. Знание верифицируется и организуется исходя из данного постулата, т.е. христианского взгляда на принципы бытия как явления, выходящего за пределы человеческой логики, а потому не умопостигаемого, но требующего познания объективных законов, через непредвзятое исследование творений.

Так формируется понимание *естественных наук* (science) как основы объективного суждения (а не наоборот), предполагая экспериментальное исследование объектов, существующих независимо от человека (верификация гипотез). Базовые постулаты подобного подхода – контекстуальность, «брита Оккама», воспроизводимость эксперимента.

Гуманитарное же знание (scholarship), включая социальное и сферу математики – т.е. дисциплины, исследующие дела людей, творения их ума, рук, сердец, постулирующие и

вопросительный знак) и даже более того – существует понятие «отрицательного процента» – отчисление 2½% от прибыли, которые направляются на благотворительность. Кроме того, вкладывая деньги в банк, человек интересуется не только прибылью, но и на какие цели будут направлены деньги. К примеру, их нельзя использовать для производства спиртных напитков либо иные недостойные с данной мировоззренческой позиции цели. Это идеальная культурная модель, которая все же имеет те или иные форматы реализации. Иначе говоря, некоторые формулы практики, представляющиеся универсальными, таковыми не являются, другие же, уже списанные было в архив, могут оказаться чем-то большим, нежели «фундаменталистской причудой». В некоторых странах подобная ситуация происходит, например, с цифровой идентификацией людей.

умозрительно развивающие саму семантику постижения – являются *дисциплинированными* (отвечающими определенным требованиям) *рассуждениями*, сферой свободных искусств.

А конкурирующие институты обретения знания и развития личности: университет и академия.

* * *

Линейная, «аристотелева» логика не была, однако, списана со счетов: проиграв богословский спор, она выиграла практику и подвела со временем цивилизацию к кризису.

В чем привлекательность аристотелизма? Главным образом в четкости и эффективности. Логика Аристотеля внятна для привычного формата человеческого мышления, удобна она и для прагматичного использования, не требуя удержания сложности. Антиномийная же природа бытия расценивается как экзотичный и перспективный аспект исследования. Упрощение мысли упрощает жизнь, но отнюдь не реальность, а мы вольно или невольно склоняемся к этому упрощению... Соответствующим образом меняется и направление научного поиска: от отыскания истины оно смещается к прагматичному использованию знания – производству инструментов и эффективных решений. И в конце концов – к примату технологий (технонауке) над жаждой обретения истины.

Напомню, что Аристотель рассуждал следующим образом: истина логична, божественность действует ясным образом, собственно, это и не Бог, а перводвижитель, который предает миру некий первичный импульс, и мы, моделируя шаг за шагом механику бытия, конструируем сложную, но непротиворечивую систему, мы открываем истину. Иначе говоря, моделью отыскания истины с некоторыми оговорками оказывается часовой механизм, автомат, автоматон.

Приблизительно до рубежа XX века подобный подход демонстрировал свою эффективность и вкуче с постулатами Просвещения способствовал распространению рационализма, техницизма, индустриальной культуры. Но дальше произошло нечто неожиданное: свойства природы, приоткрывшиеся в начале прошлого века (в особенности на уровне микромира), резко разошлись с усвоенными вместе с линейной логикой кодами мышления – общепринятыми, впечатанными в психику представлениями о принципах и координатах бытия.

Вскрылся ряд впечатляющих несоответствий между экспериментально установленными фактами и устоявшимися представлениями о пространстве, времени, взаимодействии субъекта/объекта. Человек обнаружил, что его мыслительный аппарат, «аподиктическая карта мира» не соответствует параметрам реальности, однако исследование реальности позволяет совершенствовать сознание, преобразовать упрощенные, «классические» схемы мышления. Сама новоевропейская наука, основанная на принципах экспериментальной проверки логичных, непротиворечивых представлений, предъявила тому доказательства. И предоставила соответствующий инструментарий, одновременно усилив потребность в усложнении мышления, способного удерживать антиномии и другие непростые для сознания современного человека композиции, извлекаемые опытным путем из практики.

Ситуация спровоцировала размышления о новой рациональности, об ином типе рефлексии, о радикальном обновлении методологии познания, действия и т.п. Оказались

востребованы принципы организации знания, оставшиеся в стороне от столбовой дороги цивилизации. В их числе – развивавшиеся апофатическим и синергичным мышлением.

* * *

Сегодня явно и неявно происходит реорганизация актуального знания на иных постулатах, нежели классические формулы его организации и разграничения на научное, дисциплинарное, прикладное.

Черты эпистемологического транзита в легитимной конструкции знания как социального института можно различить в упомянутой концепции слияния науки и технологии в синтетическую форму *технонауки*. Переосмысление феномена европейской науки под маркой знания о технологиях, фактически, реализует паллиативную когнитивную конструкцию, где на основе широко понятой статистической устойчивости феномена, получаемого по принципу «черного ящика», трансформируется принцип континуальности. Кроме того, допускается неотчетливость, избыточность теоретической верификации, фактически нивелирующая «бриту Оккама». А при высокой эффективности результата (параметр, становящийся доминантным) – «закрываются глаза» на неустойчивость закономерности при попытках воспроизведения, подчас даже на уникальность и спорадичность ее проявления.

Можно также представить реорганизацию знания в виде тетраметрицы, описывающей четыре ситуации:

- рациональное, отчуждаемое от создателя – формальное, дисциплинарное знание;
- рациональное, неотчуждаемое – экспертиза как персональное искусство;
- нерациональное, отчуждаемое - объекты художественного творчества;
- нерациональное и неотчуждаемое – мастерство, манифестацией которого является субъект *сам по себе*.

ЗНАТЬ – ЗНАЧИТ БЫТЬ

Действовать – значит решиться думать иначе,
нежели думал прежде
Мишель Фуко

ОБРАЗОВАНИЕ ЭЛИТЫ

Элиту можно понимать по-разному. Бернарду Меламуду принадлежит сентенция: *«когда нет героев, все мы – лишь обыкновенные люди и не знаем, насколько далеко способны зайти»*.

Жизнь – это возможность. Аристократия, герои, лидеры: слова, деформированные скепсисом и стерты от плоского употребления, но которые в предельном значении обозначают взыскуемый идеал – лучших, достойнейших, могучих, одаренных персон.

Личностей, пребывающих в статусе самосозидания, влияющих на мир и достигающих впечатляющих результатов.

Эти люди подобны искрам в ночи: те, чья жизнь перманентное усилие по извлечению сущности из естества: они сродни барону Мюнхгаузену, за волосы тянущего и вырвавшего в конце концов себя из болота. В перманентно искажаемом мерзостями бытия мире им даны во владение дух, интеллект, сила, состоятельность, талант, динамичная, не суетливая структура личности, особая ритмика жизни. Им нередко свойственны тяга к перманентному познанию и самопознанию, стремление заглянуть и шагнуть за горизонт событий, способность к умному действию, искусство автотрансформации: возможности трансмутации или преобразования.

Талант есть дар; однако если таланты не используются либо используются уродливо, они утрачиваются. У разных даров свои маршруты обретений, возвышений, утрат. У духовных – лестница, у интеллекта – образование, характер – сопряжен с благородством, богатство – с состоятельностью. Герои обладают способностью преодолевать ограничения прочтения реальности, отстраняя стражей врат аутопоззиса, даже пренебрегая инстинктом самосохранения.

Различно понимание печати (или клейма) избранности в несхожие эоны. Здесь дистанция от казни новаторов, к скепсису относительно роковой судьбы и далее к меритократическим сюжетам постсовременности. Элитная траектория в Элладе – органичная трагедийность, таящаяся в глубинах изгойного естества, и на поверхности – прихотливый смех обыденности то ли над ней, то ли горький над собой («над кем...»).

С точки зрения мироустроительного знания того времени (*практис*) и знания как житейского опыта (*фронесис*) выдающийся человек, в том числе политик, правитель, подвергается искушению *дерзостью* (сейчас мы назвали бы это *амбицией*, эллины же определяли как *гибрис*). Что вело к сужению кругозора (*ата*), совершению трагической, фатальной ошибки (*гамартия*), отсроченному, но неизбежному моменту истины (*анагноризис*) с осознанием вскрывшейся истинной ситуации и своего реального положения, сопровождающегося внезапно обрушивающимися переменами (*перипетией*, т.е. «превращению действий в их противоположность»).

Иначе говоря, запускалась роковая последовательность событий, приводящих в конечном счете и властителя (как человека), и управляемое им общество к *катастрофе*: персональному возмездию и угрозе общего распада (*немесис*).

В неотвратимости этой механики проявлялся тяготевший над человечеством фатум.

ПАЙДЕЙА

Центральная категория в мире образования – *пайдея* (παιδεία) появляется в древнегреческой философии (сначала в софистике) не позднее V в. до н. э., определяя пространство и цели деяний.

У Платона пайдея онтологична – это смысл жизни, путь к бессмертию, душа посредством пайдеи способна обрести аподиктическое знание и удержать в вечности эссенцию бытия. Облагораживающее действие пайдеи имеет, кроме того, политическую компоненту, ибо трансформируя стражей и правителей, определяет состояние государственного устройства.

Это напоминает связь правильного поведения индивида (этики) с гармоничным обустройством групповых взаимоотношений (политики) у Аристотеля, но есть существенное различие: Стагирит рассматривает образование/воспитание не как элитарное действие, но средство преобразования толпы в сообщество. Основу благосостояния государства он видит не только в *арете* правителей, но в культурном статусе населения, что превращает пайдейю в социальный императив. Развитие сюжета – сближение мудрости и благодати в эллинизированном иудействе и христианстве. (Отголосок сюжета – в современном запросе на наличие у политика «харизмы»).

Категория «образования» обладает двойным лексическим звучанием. Это формирование образа (ср. икона, т.е. идеал), и это творение (ср. лепка человека из праха, т.е. процесс).

Образованный человек – не просто грамотный индивид, но «образовавшийся», нашедший и прошедший пайдейю: изменившийся, проснувшийся, обретший себя, переживший второе рождение, уникальный. (Ср. характерное рассуждение о вероятном содержании третьей части эпоса Гомера, связанного с одиноким крестным путем Одиссея, со странным «веслом» на спине).

Действительно, древнегреческая система образования в перфекте формирует не профессионала, а личность. Для свободного человека целью процесса мыслилась не передача инструментария для карьеры, но полноценное развитие, т.е. именно «лепка» себя – самосозидание.

Вспомним (правда, несколько иначе акцентированную) историю о предельном мастерстве скульптора Пигмалиона и ответе богов: трансмутации Галатеи. И заодно сравним с «воспитательными» созвучиями в историях Пиноккио и Буратино при выразительном различии судеб: один становится человеком, другой обретает богатство.

ОБУЧЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Система обучения изначально состояла из двух ветвей (сохранявшихся долгое время в виде «ремесленного» и «гимназического» образования). Это обучение той или иной профессии (ремеслу) в рамках профессиональной корпорации и стоявшее особняком универсальное (гуманитарное) образование.

В Древнем мире структура гуманитарного образования была религиозно-ориентирована и в целом трехступенчатой: училище писцов (в сущности, профессиональное, т.е. ремесленное образование, но широкого профиля), жреческая подготовка и эзотерическое обучение. Последняя в Древней Греции из системы подготовки мистагогов (руководителей мистерий, о которых известно слишком мало) трансформировалась в также эзотерическую, но переходную по своему характеру школу Пифагора, о которой известно заметно больше.

Умозрительный тип образования носил дисциплинарный характер, включая набор предметов: арифметику, геометрию, астрономию, музыку (гармонию). Более светский, точнее более открытый характер был у философских школ и «мастер-классов» того времени, а эзотерическим образцом стал полигистор («всезнайка») Гиппий.

Древние греки разделяли умения связанные с физическим трудом (выделяя в особую категорию спортивные и воинские искусства) и интеллектуальные занятия, т.е. механическое ремесло (мастерство) и созерцательную/деятельную мудрость. Мы можем рассуждать о принципах древнегреческой образовательной системы, повлиявшей на характер и форму универсального образования в последующие века и тысячелетия, хотя гимнасии Афин и Спарты обладали, конечно же, особыми характеристиками.

При обсуждении структуры древнегреческой образовательной системы за образец берется афинская система. Основная схема была таковой:

- начальная школа: чтение, письмо, счет и обязательно – физические занятия;
- грамматическая («вторая») школа: чтение книг, имея в виду понимание, усвоение содержания;
- наконец, «высшая», риторская школа обеспечивала гармонизацию знания и личности: публичное рассуждение (политика), философия, медицина.

По образцу школы в Афинах, расположенной у Акрополя, образовательное заведение, дающее философское образование в течение столетий именовалось атеней или афиней (афинеум, атенеум, афинейон). Каждая из высших школ имела особенности, основывалась и возглавлялась яркими личностями.

Наиболее известна расположенная в садах героя Академа – Академия Платона, основанная в начале IV века до н.э. и просуществовавшая как институализированное сообщество с видоизменениями (выделяют пять философских форматов) и коллизиями (вплоть до временного переезда в Рим) до начала VI века н.э., т.е. чуть ли не тысячелетие (более девяти веков). Основным методом обучения был диалог, диалектика. Предметы в основном изучались те же, что в иных версиях высшего философского (гуманитарного) образования: математика, астрономия, физика (натура, естествознание) и т.д.

В ряду прославленных школ следует упомянуть Лицей со знаменитыми прогуливающимися «перипатетиками» (*«Λύκειοι Περιπατητικοί»*), основанный Аристотелем в зените его славы (335 г. до н.э.) и расположенный возле храма Аполлона Ликейского, где учил Сократ.

Афинские античные школы во главе с платоновской Академией – наиболее влиятельным философским, научным, образовательным комплексом своего времени были высланы императором Юстинианом в 529 году за пределы империи. Они перемещаются на восток в сасанидскую Персию Хосрова Ануширвана I, обретая пристанище в расположенном восточнее Суз Гондишапуре, который наряду с Александрией, Эдессой, Багдадом, Нисбисом, Мосулом, Звартноцем являлся одним из ведущих «научоградов» тех дней. Обосновавшись в конце концов в византийской части Месопотамии – приграничном Харране (центре сабеизма), Академия просуществовала еще несколько столетий, до конца XI века и была одним из основных источников распространения античных знаний, способствовал, в частности, развитию исламских «университетов». (Старейший из действующих был основан в конце IX века в городе Фес в нынешнем Марокко.)

В них преподавали богословие, грамматику, риторику, логику, математику, астрономию, музыку, а также химию, медицину, историю, географию. Переписываемые,

редактируемые и переводимые преимущественно на арабский язык (во времена халифата) античные трактаты заметно влияли на мусульманскую религиозную, философскую мысль. Затем это интеллектуальное наследство, многократно переведенное и частично переосмысленное (к примеру, в интерпретации аверроизма****), многочисленными путями возвращается в христианскую ойкумену, в свою очередь, интенсивно воздействуя на теологические дискуссии и философские диспуты средневековой Европы.

В эллинистическом мире существовали и другие центры, концентрировавшие, развивавшие умственную деятельность, создавая собственные образовательные системы, восходившие, однако, все к тому же образцу. Прежде всего, это Александрия с ее библиотекой и музеем. Вот только изменился с веками смысл данных институций: библиотека представляла грандиозную школу писцов, обеспечивавшую рукописями практически все пространство античного мира, а музей был образовательным учреждением, т.е. подобно Академии и Лицею имел собственных, давших название «покровителей»: Муз.

Римская система высшего образования была организована в древнегреческом стиле. Император Адрианом в 135 году основывает римский атеней, а точнее *Ludus ingenuarum artium* (позднее его называли Schola Roma), который просуществовал до V века. Осваивался тот же корпус дисциплин: грамматика, диалектика (логика), элоквенция (риторика), философия, юриспруденция (право).

Честь систематизации европейского высшего образования по традиции отдается Марциону Капелле, жившему в V веке в Карфагене. В трактате «Бракосочетание Филологии и Меркурия», т.е. союз телесного воплощения знания и божественного разума (ср. «прометеев огонь»), Капелла очертил два последовательных образовательных комплекса: ступени, ставшие основой европейского университетского образования. Первая из них, тривий («перекресток трех дорог»), включала грамматику (совершенствование языка), диалектику (совершенствование мышления), риторику (совершенствование речи, коммуникации). На второй ступени – квадривии (перекрестке четырех путей) изучались геометрия, арифметика, астрономия, музыка.

В 425 году римский Атеней обосновывается в Константинополе. Там изучают философию, право, ботанику, медицину. В 848 году его статус повышается: при Михаиле III (современнике «каролингского возрождения») Пандидактерион перемещается в помещение Магнаврского дворца и получает известность как Магнаврская школа. Впоследствии, следуя европейской традиции, его порой называют «Константинопольским университетом».

NOBLESSE DE ROBE

Новая ситуация возникавшая во втором тысячелетии в Европе, определившая облик цивилизации вплоть до наших дней (современность, modernity), в значительной мере связана с распространением городской культуры. В этой среде был по-новому сформулирован запрос

**** Так средневековая Европа прочитывает Аристотеля в толковании Ибн Рушда в латинском переводе еврейского изложения комментария к арабскому тексту, основанном на сирийском переводе с греческого.

на знания, что породило, в частности, такой исторический институт, как университетское образование.

В средневековой Европе возникали и ранее различного рода сообщества, по-своему регулирующих социальные и профессиональные отношения: от клятвенных союзов, фемиических судов, коллегий орденов, до производственных объединений: цехов (со своей системой обучения механическим искусствам: ученик, подмастерье, мастер) – корпораций, обладавших определенными привилегиями. Система образования – освоение и трансляция знаний, в период темных веков сохранялась в асимметричном комплексе, включавшем монастырскую школу, орденскую коллегия, светский *Studium Generale*. Делались попытки возродить хотя бы точечные центры высшего образования, подобные прославленным образцам Античности.

В их числе инициатива принявшего на рубеже VIII и IX веков римский императорский титул Карла Великого, основавшего не только сеть монастырских школ, но и собственную «дворцовую академию» во главе с Алкуином. Период культурного созидания (при участии таких лидеров ученого мира своего времени как Эйнгарт, Ангильберт, Рабан Мавр, Седулий Скотт и отец средневековой философии – Иоанн Скот Эриугена) продолжался некоторое время после смерти Шарлемана и порой определяется как «каролингское возрождение».

Европейские университеты (*universitas* – совокупность землячеств) – социогены нового времени. Университетским корпорациям, обладавшим специальным правовым статусом (самоуправлением и экстерриториальностью), всему сообществу *noblesse de robe* (дворянству мантии) принадлежит особая роль в процессе гражданского обустройства Европы. География продвижения университетской культуры аналогична траектории распространения самой городской культуры нового типа: от «Италии» к «Франции», Англии...

Европейский университет формируется на основе факультетов дисциплинарного изучения свободных искусств^{****} (в отличие от ремесленного мастерства, т.е. искусств механических: разница тут примерно такая же, как между «вольным (свободным) каменщиком» и просто каменщиком как профессией), медицинских, юридических школ и систем теологического образования (т.е. *схоластики*). Тривиальное образование и более изощренные знания квадривия (т.е. изучение семи свободных искусств) давало звание магистра, окончившие же одну из трех докторантур: юридическую, медицинскую или теологическую, получали звание доктора.

Формирование европейской высшей образовательной системы приходится в основном на XII–XIV века, предворяя Ренессанс и Реформацию. Так на основе корпорации врачей, сложившейся в IX веке в Салерно, занимавшихся не только лечением, но и обучением врачебному искусству, в XI–XIII века складывается полноценная медицинская школа. А на основе сформировавшейся в X–XI веках юридической школы «свободных искусств» возникает старейшина европейских университетов – Болонский, получивший в 1158 году от Фридрих I Барбароссы свои особые привилегии, т.е. став полноценной университетской корпорацией.

Причем корпорацией особой – «студенческой». Иначе говоря, это была не ассоциация профессоров (*universitas magistrorum*), а союз студентов (*universitas scholarium*), причем пост

^{****} *Facultas atrium: artes liberalis, liberalia studia, artes doctrinae, artes ingenuae, artes bonae* (т.е. свободные, истинные, изящные, дисциплинированные, благие искусства).

ректора мог занимать лишь студент, профессора же (*doctores legentes*) выбирались студентами на определенное время и получали гонорар по договору. В то же время профессура освобождалась от налогов и военных повинностей, а имевшие звание *dominus* (т.е. не просто магистры свободных искусств) получали права граждан города и входили в сословие рыцарей.

Древнейшими университетами Европы, помимо Болонского, считаются фактически образованные в XII веке Оксфорд, Парижский университет (Сорбонна) и Саламанка (по-видимому, первое учреждение, которое обрело формальный статус «университета» в 1254 году, будучи ранее «школой», а с начала XIII века – *Studium Generale*). К славной когорте принадлежат университеты Кембриджа, Монпелье, Падуи, Неаполя, Тулузы, Коимбри, Мадрида. В XIV веке университеты появляются в Риме, Авиньоне, Орлеане, Перудже, Флоренции, Гренобле, Пизе, Праге, Павии, Кракове, Вене, Гейдельберге, Кельне, Будапеште, Эрфурте. В XV веке – в Турине, Лейпциге, Ростоке, Базеле и других местах. ^{****}

Но в XV веке в социальной и культурной жизни уже развиваются процессы, существенно повлиявшие не только на траекторию университетской культуры (здесь на полях отмечу лишь появление и развитие книгопечатания), но на весь строй европейской жизни. И особенно ярко проявившиеся в таких явлениях, как Ренессанс и Реформация.

HOMO VIRTUOSO

Развилкам цивилизации предшествует обострение конкуренции, интенсивность конфликтов, диспутов относительно мироустроительных мотивов и альтернатив. Европа переживала столкновения культурных устремлений античной и христианской цивилизаций, трактовок путей богопознания, в том числе в лоне различным образом толкуемого христианства, катафатической и апофатической стратегий миропознания и миростроительства.

Одну из таких судьбоносных развилочек истории можно распознать в середине второго тысячелетия. Интенсивное развитие городской среды, новые форматы экономики, контур иного типа политических объединений, пролагавших путь к национальному государству, кризис прежних иерархий сословного мира, масштаб географических открытий, обилие технических нововведений, генезис новой культуры, книгопечатание, смена самоощущения обитателей *Universum Christianum* вплоть до реставрации характерного для первых веков выражения *homo modernus*, – все это приходится на исторический период, получивший определение Ренессанса.

Сложившаяся форма университетской культуры переживает кризис. Переосмысливается сама иерархия знания, происходит переворот в понимании целей образования, отход от схоластики, возвышение роли и значения гуманитарного знания (*studia humanitatis*), т.е. зарождается феномен, получивший определение гуманизма. Гуманисты

^{****} На территориях Речи Посполитой, относящихся к Великому княжеству Литовскому в XVI веке основывается Острожская славяно-греко-римская школа (1576), в начале следующего, XVII столетия: Киево-братская школа (1615), преобразованная в Киево-Могилянскую коллегию (1631—1701), а затем, уже в составе Российской империи став Киево-Могилянской академией (1701—1817). В России высшее учебное заведение – Славяно-Греко-Латинская Академия было основано в 1686 г., а в XVIII веке возникают Академический университет в Санкт-Петербурге (1724) и Московский университет (1755).

(ораторы, риторы) – социальная генерация, по-своему преодолевающая кризис предыдущей плеяды интеллектуалов: докторов и университетской профессуры, все более обремененной путями деловой и официальной (государственной, муниципальной) практики. Другими словами, прочно обустроивающейся корпорации, тесно связанной с церковью и государством (ибо профессура – одновременно клирики, а где-то в предчувствуемой перспективе – клерки), поддерживающей коллективные социальные и профессиональные интересы, но, с точки зрения гуманиста, сковывающей становление и горизонты личности.

Гуманизм – это вселенская образованность как квинтэссенция человека; смысл жизни видится не в формальном статусе, но в развитии способностей, преобразовании себя в гармонический шедевр, «эстетически законченную форму», т.е. созидание и предъявление Богу homo virtuoso (наподобие предъявления мастерам и профессуре шедевра и диссертации в цеховой и университетской корпорациях). Христианская музыка сфер (гармония) обретает здесь громкое звучание. Она не только указывает на возможность разомкнуть роковые кольца фатума, обратившись к колесу фортуны, но обозначает путь, ведущий к освобождению от капризов последней. Добродетель побеждает и преобразует фортуны, открывая наряду с возможностями свободной воли подчас неясно звучащий в сбивчивых и сбивающих ритмах бытия замысел Провидения.

Земной путь личности проходит по лезвию бритвы, и трагизм реальной ситуации порою скрыт покровом торжества в финале. Вспомним, и на этот раз возможно с большим пониманием, драматизм разночтения уже упоминавшийся ранее истории: расхождение маршрутов, казалось бы, схожих реплик судьбы (но также альтернативность двух подспудно прописанных кодов социальной практики): различие *апофеоза* Пиноккио и Буратино – изживание неотесанности, превращение в человека и сладость мести вкупе с обретением земного богатства.

Гуманисты ставили себя выше искусств как ремесла, а обучения как профессии, предпочитая обучению – образованию, т.е. постижение того, что составляет целостность человеческого духа, иначе говоря, проблемы этические и эстетические. Их стихия – свободное рассуждение, а не ригористичная схоластика, «воспитание души», otium (досуг, спокойствие), а не negotium (дело, беспокойство, коммерция) или officio (канцелярия). Понятие «рыцарства мантии» переосмысливается, ибо самореализация в понимании гуманиста – есть христианский долг, подвиг, доблесть. Это иное и новое прочтение мира духовных практик.

Разум – это дар, отличающий человека от животного и ведущий к богоподобию. Знание освобождает и облагораживает; чтобы знать, надо понимать, но чтобы понимать, надо быть. Знание само по себе сила. Оно не просто симптом учености, но признак развития души, своего рода проводник, вожатый к святости (ср. роль Вергилия у Данте). Стадии данной духовной практики – классическое, т.е. гуманитарное образование (study of humanities), и последовательное обретение качеств: приветливости, доброжелательности, кротости, воспитанности (светской дисциплинированности), пронзительности, человечности, видения сути людей, вещей и порядков (civil, soft, gentle, wise). Это утешение и воодушевление себя и других, новый исторический горизонт, социализация христианства, рождение светской *интеллигенции* (в изначальном значении слова) как синтеза образованности и нравственности.

Отсюда, однако, и сложности в понимании воспевания гуманистом «сладо́сти бытия» (*dolzzade vivere*, ср. знаменитое *dolce vita*) – здесь можно увидеть те же отголоски, абберации, обертоны, что и в коллизиях Лангедока, Прованса, связанных с культурой «миннэ». ^{§§§§} С другой стороны, сохраняется прежняя ориентация на внешнюю результативность интеллектуальной практики: вектор мышления остается эксплицитным, его результат отчуждаем, и, хотя он не вещь, но путем аппроксимации и утилизации становится таковой, попадая в итоге на рынок, хотя и специфический.

Одним из следствий чего, правда, стало повышение роли искусства уже в нынешнем понимании, т.е. произошло его облагораживание. ^{*****}

Возникают новые институты, связанные с происходящей трансформацией: на смену *университету* приходит *академия*. Ее особенность в том, что это не корпорация, а союз, собрание, сообщество: свободное объединение тех, «кто вынырнул». Ревизии подвергается сама суть свободных искусств – основанием квадривия видится теперь универсальная гармония как эстетика, а предметы тривия объединяются понятием филологии.

В социальном же отношении гуманисты рассматривали себя как «педагоги граждан» в противоположность университету как корпорации преподавателей знания для соискателей той или иной профессии. Иначе говоря, социальная роль гуманистов выражалась в определении социального камертона и политической перспективы, что ярко проявилось в период Реформации, а также научной и экономической, ибо маршрут новоевропейской науки: вначале академия, затем университет.

Академии возникают уже в XV веке: первая – в Кареджи, Флоренция (1462), созданная деньгами Козимо Медичи и трудами Марсилио Фичино, затем в Неаполе (Понтано), Риме (Лето). В XVI веке в той же Флоренции делла Круска (1583). В начале XVII века в Риме возникает знаменитая Академия «рысеглазых» – деи Линчеи (1603), чье название само по себе составляет лексический и семантический клубок: здесь слышится имя ясноглазого аргонавта

^{§§§§} Характерен кодекс гуманиста в изложении Лоренцо Валла: общение с подобными; изобилие книг; комфортное место; свободное время; внутренний покой (ср. позднее и не всегда правильно толкуемое выражение: «джентльмен не работает»). В данном контексте по-иному видится генетика многих влиятельных европейских течений мысли и действия, к примеру, ментальность, аксиология и мироустроительные ориентиры Карла Маркса.

^{*****} Искусство Нового времени – это не религиозные артефакты (чье переосмысление происходило в несвойственных времени создания категориях) и не древнегреческое «технэ» (универсальность мастерства *per se*), но средство трансляции мировоззрения в социальную и частную среду. В том числе – и с какого-то момента главным образом – в категориях эстетики, т.е. в качестве животворящего эликсира: средства поддержания поступательной витальности Модернити. Динамика процесса и конкуренция его версий отражались в стремительной по историческим меркам смене и разнообразии стилей. Другими словами искусство проявляет себя как продукт и специфический аспект секуляризации – ее альтернативный источник и одновременно инструмент трансляции ценностей, невербальной фиксации принципов: духовных, социальных, культурных координат общества. Революции в искусстве – симптом тектоники социополитических потрясений, и более того, их фермент, генетика. Так специфика нынешнего транзита в искусстве сопряжена со своеобразным удержанием (подобно моделям операций с плазмой) и последующей капитализацией нематериальной субстанции витальности, т.е. с распространяющимся осознанием, но одновременно и вульгарной прагматизацией (опошлением) постулата: искусство это не предмет (и тем более не вещь), а событие и воздействие (влияние).

Лицея (Ликеевы глаза) и ассоциации с особой миссией Аристотеля (Лицей, Ликеон), и традиционная острота взора и мягкая поступь рыси (Lynx).

Каденция сюжета – встреча в том же Риме на Благовещение ровно 365 лет спустя после основания деи Линчеи и со столь же немногочисленным составом участников, но после более многолюдного собрания на релевантной сюжета вилле Фарнезина. Встреча, результатом которой стало основание Римского клуба – академии XX века, венцом деятельности которого мыслился Forum Humanum (также непростое название, рождающее смысловые ассоциации).

РЕНЕССАНС И АПОКАТАСТАСИС

Тема, требующая отдельного серьезного разговора – духовная, интеллектуальная, историческая альтернатива гуманизму, наметившаяся приблизительно в то же время в Византии. У данного сюжета несколько траекторий и регистров релевантных сюжету.

На поверхности это сопоставление возможностей и затруднений, связанных с различиями между катафатическим и апофатическим типами миропознания, а также с прерыванием исихастской традиции как явления, которое могло иметь не только духовные, но также интеллектуальные, социальные и политические следствия.⁺⁺⁺⁺ Богословское измерение наиболее полно представлено знаменитым диспутом Варлаама Калабрийского и Григория Паламы. Сегодня в усложняющейся, подвижной, приближающейся к турбулентности вселенной у давнего богословского спора проявляются пульсирующие, едва ли не кровоточивые измерения, затрагивающие судьбу цивилизации.

Кризис мировидения, сомнения относительно доброкачественности и эффективности обретаемого цивилизацией имущества, достоверности карт будущего, оценки сути знания, его стратификации, целей и форм образования возвращают к скрытой суете времени развилке истории.

В чем естество истинного знания? Что мы познаем и что развиваем? Является ли природа знания универсальной, а его обретение – обезличенным, накопительным процессом? Или же знанию присуща комплексная, синергичная природа, а познание – персональная история соития с подлинностью, причем статус прозрений в значительной – едва ли не определяющей мере зависит от состояния субъекта и взыскуемой цели?

В XIV веке проявились минимум две обновленные и обоснованные позиции, связанные с пониманием природы *интеллигенции*, способов ее обретения и трансляции.

Первая, если максимально кратко прописать ее логику, определяла знание как своего рода эликсир, обретаемый человеком посредством уникального качества, отличающего человека от иных земных существ – разума, т.е. как субстанцию накапливаемую, сублимируемую и производящую трансмутацию личности и мира, позволяя посредством заключенной в «умном знании» энергии (силы) изменять окружающую среду.

Особенность другой позиции – в понимании знания как следствия резонанса двух природ, энергичное соучастие которых в человеке позволяет опознавать подлинную суть и

⁺⁺⁺⁺ См. Александр Неклесса. Северная Ромея. Рассуждение о русской идентичности // Русская идентичность. Дорога жизни. – М.: ИНТЕЛПРОС – Интеллектуальная Россия, 2012.

истинное состояние объекта, ситуации, явления. Наличие и пролонгация (удержание) подобного статуса требует не столько усилий ума либо памяти, сколько достижения (подвижническим усилием) состояния, позволяющего натуре познающего (сердцу) обрести когерентность с иным, могучим естеством.

Таким образом, не накопление знаний трансформирует субъекта, но усилия по аутотрансформации дают надежду на обретение способности (дара, а не собственности) постижения сути вещей и явлений, т.е. обретение контакта с подлинностью. Новое знание приходит не из изучения прежнего, являющегося лишь организующей сознание дисциплиной ума. Главный источник – само внезапное постижение новизны как иного порядка вещей, приходящее в озарении: объятиях души духу истины.

Познание не исключает сбоев, «затемнений» в обретении истины, ее искажений в процессе удержания, освоения, трансляции. Даже отчетливо познанные закономерности не являются гарантированно неизменными, без потери качества отчуждаемыми от познающего. Обретаемое подобным образом знание порой настолько точно, чтобы не сказать – персонально, что внешне изменчиво, ибо подвижно, будучи в прямой связи с переменами актуального состояния познаваемого/познающего, являясь эссенцией конкретного (виртуального) статуса феномена.

Тем не менее, слепки-реплики от опознанных ситуаций обретают автономное существование, т.к. эксплицируя постигнутые закономерности, они в большинстве случаев применимы – путем распространения соответствующие прописей, и в иных аналогичных ситуациях. Однако с важной оговоркой – отсутствии гарантий неизменности в изменившейся (по каким-то многообразным параметрам) ситуации.

Другими словами, опознанные и декларируемые законы, хоть и отражают конституцию природы, все же могут меняться (или оказываются значительно более сложными, нежели представлялось).

Но главное тут, пожалуй, иное. Трансмутация, т.е. обретение и удержание личностью особого статуса имеет целью все же не операции со знанием как таковые: акт познания истины есть возможность со-присутствия в оной, что и делает человека свободным. Суть процесса – не обретение знания в качестве прикладной задачи для перемен условий жизни, но прямой путь к статусу энергийного со-бытия, которое есть цель и смысл человеческой жизни.

Принципы, заложенные в основание двух позиций относительно природы знания, предопределяли существенные различия в практике миростроительства: принятие принципа универсальной природы накопления знаний в качестве доминантной позиции стало источником изоцированной механики, т.е. обретением протезов, замещающих человеческие немощи, субститутов послушных духов исполняющих человеческие желания. Синергичное же понимание процесса обретения истины предполагало иную, более сложную социальную, политическую и цивилизационную траекторию. В этом случае постижение истины основывалось на качестве взаимоотношения человека и истины, что делало сомнительным удержание всего корпуса когнитивных сокровищ в неизменном состоянии.

Траектория взаимоотношений с истиной определяла гармонию, т.е. деятельную доброкачественную полноту (или же ее искажение, угасание, отсутствие, нарастание дисгармонии), не только относительно знания *per se*, но также – качество практических

аппликаций. Из чего вытекала иная логика технического и технологического развития, экономического роста, геометрия политического действия, архитектура социального строительства.

Выбор позиции, подразумевающей ту или иную онтологию мировидения, предопределяет направление пути из развилки-ловушки внутренней истории, основы методологии познания/действия, содержание социальной, культурной, политической стратегии. И в конце концов – композицию, апофеоз предельной ситуации, по направлению к которой, судя по всему, движется человечество.

ЗНАНИЕ И ДЕЙСТВИЕ

...Ощущение возможной реальности следует ставить выше ощущения реальных возможностей.

Роберт Музиль

Мы живем в мире субъективная неопределенность которого заметно возрастает. Кроме того, в течение XX века глобальный театр операций, скорость, масштаб перемен, повышение рисков предопределили обновление методологии познания и действия, пересмотр процедур принятия/реализации решений.

Чем больше акций мы совокупно совершаем, чем больше познаем, тем обширней сфера соприкосновения с неведомым. Усложнение организации предполагает рост технологической неопределенности: снижение надежности техносферы. Закономерности чаще проявляются как статистический параметр, в технических, социальных сетях фиксируется феноменология «странных процессов». И по мере умножения проблем, сокращения времени на их осмысление, реагирование политическая, деловая практика раз за разом ставят перед ЛПР (СЕО) дьявольские альтернативы.

Естественно, возрастают нагрузки на интеллект, психику, физиологию. При усложнении контроля над ситуацией повышается значение креативности, способности *ad hoc* опознавать и постигать скоропись нестандартных обстоятельств, поддерживать активный интеллектуальный, творческий статус.

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ОПЕРАТОР

Номо sapiens способен принимать верные решения на основе несовершенных, противоречивых, заведомо неполных данных. Однако длительное время мысля и действуя в соответствии с постулатами линейной логики, обитая в затворе механистичной модели реальности (корни чего уходят к эпохе Просвещения и глубже – к древнегреческим истокам, аристотелизму), мы оцениваем возможности собственного естества по прописям культурного эталона, основа которого – *обобщение*^{****}, нисходящее на практике до *стандарта*.

**** Естественные науки явились следствием христианского переосмысления знания как результата богопознания, реализуемого посредством испытания творения (природы), а не логически обоснованных

Человек сегодня – органичная часть управленческой механики, исполняя ту или иную функцию, он инструментален. Подобная его «объектность», подвергаясь долгое время своего рода индустриализации, содействовала обезличиванию и отчуждению. Но будучи по природе не объектами, а субъектами, причем весьма сложными, люди сохранили способность к операциям нестандартного свойства, подчас спонтанным, эффективным и продуктивным.

Анализируя позитивные/негативные обстоятельства умножающихся коллизий, мы не только обретаем недоступный ранее опыт, но можем делать выводы, ведущие к кардинальному изменению процесса принятия и реализации решений. И все же в мире нарастающей мощи машин силы физического человека кажутся пошатнувшимися, его возможности – ограниченными. Обстоятельства же требуют наличия либо выявляют отсутствие уникальных ресурсов, особых человеческих качеств, указывая при этом на возможные альтернативы: киборгизацию, искусственный интеллект или эффективную методологию действий в условиях неопределенности.

Со времени мировых войн методология познания/действия и культура управления объектами, субъектами, ситуациями, событиями претерпела ряд внутривидовых революций, произведя на свет такие регламенты исследования операций, системный анализ, системную динамику, теорию высокоадаптивных самоорганизующихся систем, эффективно действующих в среде комплексных, критических ситуаций. Но сейчас, по-видимому, мы находимся на пороге еще более значимого транзита.

В XX веке произошло не просто усложнение характера операций. Постепенно основным объектом внимания становится не столько *состояние* настоящего либо будущего (отложенное целеполагание), сколько сам *процесс* как практика перемен и возможный статус бытия.

Необходимость иметь дело с динамичными, нелинейными, многофакторными ситуациями, зарождающимися на грани турбулентности и хаотизации, предопределила поиск инструментария, соответствующего конституции сложных и сверхсложных организованностей. Развиваются технологии матричного, рефлексивного, точечного, семантического, внешнего управления, исследуются возможности использования критических зон, облачных структур, терминалов, хабов, аттракторов, идеалов etc. Все это ведет, в частности, к переоценке роли

умопостроений (спекуляций), получивших статус гипотез. Между тем эта революция лишь частично затронула гуманитарное знание, исключив его из сферы объективного знания (здесь данная позиция принадлежит Откровению), ибо предмет его – творения людей, а не Творца. Но одновременно привнесла в него флер сциентизма, наложив неоправданные для рассуждения (дискурса) ограничения, ведущие на практике к редукционизму. Вследствие подобной мимикрии обобщение, обретаемое в результате рассуждения, претендует на статус хотя и транзитной, но *объективной объектности* (*de jure*), представляя, однако же, на деле (*de facto*) сумму субъектностей, прошедших семантический фильтр сознания и ассимиляцию. Другими словами, высшие постижения интегрируются с разнообразием общедисциплинарных клише и прагматичных, тактических заблуждений, ибо в гуманитарных дисциплинах отсутствует эксперимент, способный вне сферы людских суждений прояснить, легитимизовать ситуацию, представив факт. Иначе говоря, эксперимент по установлению факта замещается опытом практики, верифицирующим эффективность, и ситуационным консенсусом. Данное препятствие, кажущееся непреодолимым при катафатическом миропостижении, отчасти преодолевается при апофатическом подходе, способным помимо возможностей аналогового и аналитического мышления использовать потенциал внекатегориального познания.

антропологического фактора. Человек перестает быть операциональным элементом системы – объектом, функцией, агентом, его сознание, отношения с природой и обществом претерпевают серьезную перестройку.

Кроме того с расширением спектра значимых взаимосвязей открываются новые обстоятельства. Очередным рубежом стало понимание и освоение методов синергического управления в присутствии неклассического оператора.

Выясняется, к примеру, что, как и в природных процессах, присутствие индивида в социальном космосе, его намерения нестандартным образом влияют на событийный ряд (феномен «неклассического оператора»). Сама субстанция бытия, ее состояния, оказываются связаны с субъектом теснее, нежели представлялось; избранный идеал, смысловой регистр универсальным образом настраивают события, и, что важнее – определяют стратегический горизонт, а также создают режим наибольшего благоприятствования движению в избранном направлении. Или же провоцируют жесткое противодействие со стороны среды.

Иначе говоря, действовать «правильно» или «неправильно», причем не только с точки зрения психологии либо морали, но и с позиции, которую можно определить как метафизическая, оказывается помимо прочего серьезной практической, едва ли не прагматичной проблемой.

Взаимодействуя со все более высокими уровнями сложности, постигая и формулируя статус постсекулярности, мы ощущаем соприсутствие сил, законов, конструкций, которые до конца не понимаем, однако пытаемся осмыслить. И будучи практиками, используем (в качестве примера укажу на такие явления, как *synchronicity* и *serendipity*). Подобный подход, позволяющий осознанно и продуктивно действовать в ситуациях серьезной неопределенности, предполагает персонализм, конкретность, а также неотчуждаемость экспертизы/знания от субъекта и даже метафизических обстоятельств.

САМООРГАНИЗУЮЩАЯСЯ КРИТИЧНОСТЬ

Кризис отношений с возрастающей комплексностью и критическим статусом технических, биологических, социальных, антропологических систем предвосхищает коллапс управления/контроля, равно как стимулирует грядущий прорыв к радикально иным принципам познания/действия.

Уникальность возникающих ситуаций, их подвижный характер, взаимопроникновение (диссипация), универсальная связность (голографичность), каскадная новизна, нелинейность, значительная степень критичности требуют не просто очередной ревизии привычных алгоритмов действия или даже пересмотра эпистемологического тезауруса, но изменения самого способа освоения калейдоскопического универсума. Существующий категориальный аппарат и методы конвертации обретаемого знания (подчас прямой его редукции) в силу обнаруживаемых несовершенств все чаще используются, если можно так выразиться, метафорически, препятствуя восприятию новых ферментов и осознанию изменившихся форматов бытия. Особенно заметны подобные изъяны в сфере социальных и гуманитарных дисциплин.

Девальвация дисциплинарного консенсуса предопределила развитие таких методов, как негативная диалектика, самоорганизующаяся критичность, синергийный подход к миропознанию, миростроительству, ко всему пространству операций. И это лишь начало процесса, речь, по-видимому, идет о состязании в преадаптации – параметрах социокультурной и методологической революции, об изменениях в языке и семантике, о генезисе новой рациональности и возможно фундаментальном развороте в умственной практике от катафатических установок к апофатическим. И не в последнюю очередь – об осмыслении самого модуса апофатического мировосприятия, а также о рецептах и сценариях постижения непостижимого, которые формулировались, развивались преимущественно в Византии в среде исихастов. В том числе, о переносе акцента на внекатегориальное опознание/осознание инакостей, когда знание оказывается не фокусировкой обретенного в разное время сообщества аргументов, но узнаванием и познанием: иначе говоря, событием встречи и обладания, т.е. фактом.

Наконец, не исключено, что именно апофатическое мировидение и синергийный тип мышления/сознания, способный познавать неординарные идентичности, судить возникающие перипетии и выносить по их поводу верные вердикты, не зная всех обстоятельств, т.е. оперировать в среде беспорядочных иерархий в условиях губительной новизны, могут стать основой следующего поколения интеллектуальных практик, послужив трамплином для витка цивилизационной динамики.

Культура невербального постижения предполагает ориентацию в облачных структурах, особую технику взаимоотношений с иным, усилия и процедуры по осознанию и удержанию неопределенной комплексности в ее существенных чертах, целостности и полноте. Другими словами, в постсовременном ментальном и практическом обороте востребован специфический опыт взаимодействия с неопознанными, формально неотрефлексированными, телеологическими и теологическими измерениями бытия... Мы избороздили пространства ума, но не сердца.

Возникающие в этой связи предположения, пожалуй, можно изложить следующим образом: человек в обстоятельствах принятия сложных, критических решений верно избирает и успешно преследует цели, если утверждает себя и пребывает в непрерывном процессе саморазвития. Или на языке иной системы мировоззренческих координат, если он постоянно беседует с Богом.



PERSONALIA



Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель Группы ИНТЕЛРОС. Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Заместитель генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФРАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН). Профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», являлся членом аналитической группы Совета Оборона РФ.

Автор/научный руководитель проектов СИНЛА/«Глобальная трансформация» (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), «Камелот» (2004), «София» (2004), ВВЦ-2 /«Время-Вперед-Центр» (2009), «Феникс-К» (2010), «Большая Волхонка» (2011). Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры»), междисциплинарным семинаром «ΣΥΝΕΡΓΙΑ» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН). Вел еженедельную аналитическую программу «Будущее» (FINAM FM).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF). Член Международного редакционного совета журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук и редколлегий российских журналов «Азия и Африка сегодня», «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия», «Проблемы развития», «Прогнозы и стратегии», «Экономические стратегии».

Автор более 600 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития; стратегический анализ и планирование; геоэкономика; философия истории.

www.intelros.ru

neklessa@intelros.ru

И 898. Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации. Научное издание. Подписано в печать 04.11.2012. Усл. 4,0 печ. л. Уч.-изд. л. 3,2.